

СТАЛКЕР. БЕЛАЯ РОЗА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Соболева

Сталкер. Белая роза

<https://litres.ru/74450403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я найду тебя.

Даже если ты закроешь двери на все замки.

Даже если спрячешься в новом городе, выключишь телефон и будешь убеждать себя, что прошлое осталось позади.

Глафира Ланская покупает старый дом, чтобы исчезнуть из чужих глаз и начать заново. Тишина, дождь, пустые комнаты, скрип половиц, белые розы у ворот. Идеальное место, чтобы дописать книгу.

Но в первую же ночь она слышит шаги внутри стен.

Кто-то наблюдает за ней. Кто-то знает, когда она спит, чего боится, какие вещи прячет в чемодане и какие имена старается забыть. Он не входит через дверь. Не оставляет следов. Не просит разрешения.

Он уже здесь.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ульяна Соболева

Сталкер. Белая роза

Глава 1

Я купила дом, потому что хотела тишины.

Это была первая ложь, которую я сказала себе в Черноводске.

Вторая — что мне нужно исчезнуть всего на пару месяцев, закончить роман, переждать московский скандал, перестать читать комментарии под мерзкими постами Кирилла и снова научиться спать без таблеток. Третья — что старый купеческий особняк на Чёрной набережной идеально подходит для писательницы психологических триллеров. Мрачный, красивый, дешёвый до неприличия, с историей семьи, сгоревшей почти целиком пятнадцать лет назад. Любая нормальная женщина закрыла бы вкладку с объявлением после слов «объект требует ремонта» и «возможны перебои с отоплением». Я же разглядывала фотографии так, будто это были не стены, а чьи-то ладони на моей шее.

Дом Воронцовых смотрел прямо на реку. Не окнами — глазами. Узкими, высокими, тёмными, в которых отражалось ноябрьское небо цвета старой стали. Когда такси свернуло с разбитой дороги на набережную, у меня в груди что-то

неприятно, почти сладко сжалось. Так бывает перед плохим решением, которое ты уже приняла и теперь просто ждёшь, когда оно ударит тебя по лицу.

— Это он? — спросил водитель, притормаживая.

Я не сразу ответила.

Особняк стоял за чугунной оградой, чёрной от дождя. Кирпичный фасад потемнел, лепнина местами осыпалась, балкон на втором этаже провисал, как нижняя губа мертвеца. Но в этой полуразрушенности было что-то вызывающе живое. Дом не выглядел заброшенным. Он выглядел терпеливым.

— Он, — сказала я.

Водитель перекрестился. Быстро, украдкой, словно боялся, что я замечу.

Я заметила.

— У вас в Черноводске все так встречают недвижимость? — спросила я, вытаскивая из сумки кошелёк.

Он пожал плечами, не глядя на дом.

— Недвижимость — нет. Воронцовых — да.

— Миленко.

— Вы правда одна тут жить будете?

Я усмехнулась. В Москве мне полгода объясняли, что я не умею жить одна, не умею выбирать мужчин, не умею держать язык за зубами, не умею благодарить за «заботу», когда тебя публично размазывают в пыль. Теперь таксист в городе, где даже фонари выглядели похороненными заживо, решил

добавить свой вклад.

— А что, дом ест одиноких женщин?

Он всё-таки посмотрел на меня. Взгляд был не злой. Хуже. Сочувствующий.

— Дом нет.

Пауза повисла между нами, холодная и липкая.

— Спасибо за обнадеживающий прогноз, — сказала я и расплатилась.

Он помог мне выгрузить чемоданы, но за ворота не вошёл. Поставил их на мокрый асфальт, кивнул так, будто мы больше никогда не увидимся, и уехал слишком быстро для человека, которому всё равно.

Я осталась одна.

Ветер ударил с реки, прополз под воротник пальто и прошёлся по позвоночнику тонкими ледяными пальцами. Черноводск пах сыростью, углём, гнилой листвой и чем-то металлическим, будто где-то рядом вскрыли старую рану. Я подняла глаза на дом и вдруг поймала себя на отвратительной мысли: мне нравится.

Не уют. Не безопасность. Не «новая жизнь».

Мне нравилось, что он казался опасным.

Риелтор приехал через десять минут, хотя обещал встретить меня у вокзала. Маленький, лысеющий, в коротком пальто, с лицом человека, который не спит по ночам и постоянно ждёт звонка из полиции. Его звали Павел Ильич, но выглядел он так, будто даже собственное имя хотел бы про-

дать кому-нибудь побыстрее и без оформления.

— Глафира Андреевна? — Он протянул мне руку и тут же отдёргнул, заметив, что перчатки у него мокрые. — Извините. Дорога. Погода.

— В ноябре обычно бывает погода, — сказала я.

Он нервно улыбнулся.

— Да. Разумеется. Вот ключи. Основной, калитка, задний вход, подвал. Чердак лучше пока не открывать. Там доски. И, возможно, голуби.

— Голуби?

— Ну... что-то там есть.

Он произнёс это так, что голуби показались мне слишком оптимистичной версией.

Я взяла связку. Ключи оказались тяжёлыми, старомодными, почти театральными. Один был длинный, с тёмной бородкой и потёртым кольцом. Он лёг мне в ладонь как предмет, который принадлежал не мне, а кому-то, кто просто разрешил мне подержать его несколько секунд.

— Вы не покажете дом? — спросила я.

Павел Ильич посмотрел на небо. До темноты оставалось меньше часа.

— Там всё по акту. Вы подписали. План я отправлял. Вода есть, свет есть, отопление... условно есть. Печь в гостиной лучше не топить, пока мастер не посмотрит. Второй этаж жилой. Северное крыло закрыто, но ключ у вас. Я бы, честно говоря, не советовал в первые дни туда ходить.

— Почему?

— Сырость. Полы.

— Полы кусаются?

Он сглотнул.

— Глафира Андреевна, я понимаю, вы человек столичный и, наверное, ко всему относитесь... рационально. Но здесь город маленький. У домов есть память. У людей тоже. Воронцовы были странной семьёй.

— Все богатые семьи странные, Павел Ильич. У бедных просто нет денег на фамильные безумия.

Он не оценил.

Я подошла к воротам, вставила ключ в замок. Металл про-
вернулся с низким, хриплым щелчком. Звук прошёл по на-
бережной, будто кто-то в глубине дома кашлянул.

Павел Ильич побледнел.

— Вы заходите, — быстро сказал он. — Мне ещё... дела.
Документы все у вас на почте. Если что, звоните.

— Если что — это если пол провалится или если память
дома начнёт читать мне нотации?

— Лучше звоните днём.

— Ночью вы не берёте трубку?

Он посмотрел мне за плечо, на окна второго этажа.

— Ночью здесь вообще лучше никого не звать.

Я хотела сказать что-нибудь ядовитое. В моей голове уже
стояло в очереди несколько прекрасных фраз, от «вы потря-
сающий специалист по продажам» до «с таким сопровожде-

нием объекта вам надо работать в похоронном бюро». Но в этот момент на втором этаже что-то мелькнуло.

Не свет.

Не занавеска.

Тень.

Я резко обернулась.

Окна были пустыми. Чёрными. Слепыми.

— Что там? — спросил Павел Ильич слишком тихо.

— Ничего.

Он не поверил. Я тоже.

Через минуту его машина исчезла за поворотом, оставив меня, два чемодана и дом, который, кажется, только что открыл один глаз.

Я перетащила вещи через двор. Гравий хрустел под каблуками, мокрые ветки цеплялись за пальто. У крыльца валялись прошлогодние листья, прибитые дождём к камню. Над дверью висел герб Воронцовых: птица с раскрытыми крыльями и змея в когтях. Змея выглядела спокойнее птицы. Сразу было ясно, кто здесь умнее.

Дверь открылась тяжело, с сопротивлением. Не скрипнула. Это меня почему-то встревожило сильнее. Старые дома должны скрипеть, жаловаться, предупреждать. Этот молчал.

Внутри пахло холодом, пылью, воском и закрытым временем. Холл оказался огромным: шахматный пол, потемневшие панели, широкая лестница, уходящая на второй этаж, зеркало в резной раме напротив входа. В зеркале я увидела

себя маленькой и злой: тёмные волосы выбились из низкого хвоста, губы обветрились, под глазами залегли тени. Очень подходящий вид для женщины, которая купила проклятый дом после публичного разрыва с человеком, называвшим себя «моей опорой», пока методично подпиливал мне кости.

— Ну здравствуй, — сказала я дому.

Он промолчал.

Я закрыла дверь. Замок щёлкнул глухо. На секунду мне показалось, что звук пришёл не от двери, а из стены слева.

Я замерла.

Тишина.

Такая плотная, что в ней было слышно, как под пальто стучит моё сердце. Я стояла в холле и чувствовала, как дом обнюхивает меня. Да, именно так. Не осматривает, не принимает, не проверяет. Обнюхивает. Медленно, с тёмным интересом. Как мужчина, которому ты ещё не дала разрешения подойти ближе, но он уже решил, что твоё «нет» — это просто первая часть разговора.

Я фыркнула, разозлившись на собственную фантазию.

— Начинается, Ланская. Два часа в провинции, и ты уже эротизируешь недвижимость.

Голос прозвучал слишком громко. Отразился от стен, ушёл вверх по лестнице и вернулся оттуда чужим, приглушённым шёпотом.

Ланская.

Я вскинула голову.

Конечно, это было эхо. Конечно.

Я писала триллеры. Я знала, как работает страх. Знала, как мозг дорисовывает фигуры в темноте, как одиночество превращает скрип трубы в дыхание, как вина и усталость делают из любого дома камеру пыток. Я сама зарабатывала тем, что вскрывала человеческую психику и вытаскивала оттуда слезы, стыдные вещи. Но одно дело — писать сцену, где героиня входит в дом и понимает, что внутри не одна. Другое — стоять в этом доме с чемоданом в руке и внезапно чувствовать, как по внутренней стороне бедра проходит холодная волна.

Не страх.

Хуже.

Предвкушение.

Я выругалась себе под нос и пошла искать щиток.

Свет включился не сразу. Лампочки в холле мигнули, дрогнули, потом разгорелись тусклым жёлтым светом. Дом стал виднее и от этого не стал безопаснее. В гостиной сохранился камин с чёрным мрамором, старое пианино без нескольких клавиш, книжные шкафы до потолка. На стенах висели пустые прямоугольники, где раньше были картины. Кто-то снял их давно, но следы остались: более светлые пятна, будто дом всё ещё помнил чужие лица и не хотел принимать мои.

Я прошла в кухню, проверила воду, нашла ржавый чайник, выбросила из буфета тридохлых пакетика чая с ис-

тёкшим сроком годности и засмеялась. Смех вышел нервный, некрасивый. Мне захотелось позвонить кому-нибудь. Не Кириллу. Никогда Кириллу. Подруге, редактору, маме, хоть проклятому Павлу Ильичу. Сказать: «Я на месте. Всё нормально». Услышать человеческий голос.

Телефон показывал одну полоску связи.

На экране всплыло сообщение от Кирилла: «Ты правда думаешь, что можешь просто сбежать?»

Я смотрела на эти слова, и меня медленно заливала ледяная злость. Вот где настоящий дом с тайными ходами, подумала я. Не Воронцовы. Не Черноводск. Чужой мужчина, который годами строил внутри тебя коридоры, чтобы ходить по ним без спроса. Кирилл умел появляться в голове, когда я уже закрывала все двери. Умел говорить правильным голосом, при всех улыбаться, а потом шептать так, что кожа становилась грязной. Умел убеждать меня, что моя ярость — истерика, моя усталость — неблагодарность, моя свобода — временное заблуждение.

Я удалила сообщение.

Потом заблокировала его номер.

Потом, подумав, заблокировала ещё три.

— Всё, — сказала я пустой кухне. — Здесь меня никто не достанет.

Где-то в глубине дома тихо стукнуло.

Я медленно повернулась.

Стук повторился. Один раз. В стене за плитой.

Трубы, сказала я себе. Старые дома разговаривают трубами. Они кашляют, вздыхают, трещат, но не подслушивают и не отвечают. Не надо быть идиоткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.